

Мишель Юлен

Воспоминания о Хайдеггере

Мишель Юлен – французский индолог, профессор-эмеритус Сорбонны.

Автор вспоминает о своих встречах с Мартином Хайдеггером в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В это время он был студентом Высшей нормальной школы в Париже. Он приехал во Фрайбург для подготовки мемуара «Эстетика Ницше» (под руководством Поля Рикёра). Мишель Юлен рассказывает об обстоятельствах его посещения дома Хайдеггера в Церингене и об их беседе о Ницше (Хайдеггер тогда редактировал и готовил к публикации свои лекции о Ницше 1936–1946 гг.), а также и о других встречах и о замечании Хайдеггера о недостаточности его контактов с индийской мыслью.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, Фридрих Ницше, воспоминания

Мне довелось несколько раз встретиться с Хайдеггером во время зимнего семестра 1958–1959 гг., который я провел в университете Фрайбурга-в-Брайсгау. Мое пребывание там стало возможным благодаря договору, который парижская Высшая нормальная школа подписала с рядом европейских университетов. Я был тогда студентом 3-го года обучения (это примерно соответствует теперешнему 2-му курсу магистратуры), и за этот год мы должны были написать – под руководством профессора Сорбонны – «мемуар»¹ объемом 80–100 страниц по какой-либо проблеме истории философии. Итак, я работал, под руководством Поля Рикёра, над мемуа-

¹ Mémoire (*франц.*) – научное исследование, диссертация, доклад. Здесь имеется в виду магистерская диссертация (*примеч. пер.*).

ром «Эстетика Ницше»... честно говоря, это было скорее школьное упражнение, чем настоящее научное исследование! Хайдеггеру было тогда 69 лет, он только что вышел на пенсию, но иногда посещал Университет, участвуя в заседаниях диссертационных советов или в семинарах. Его официальным преемником на кафедре стал профессор Ойген Финк, бывший ассистент Гуссерля. Он сразу же очень радушно отнесся ко мне и понял, с какими сложностями в «языковом» отношении мне пришлось столкнуться в первые недели на его семинаре, где я был единственным иностранцем. Кстати, в ту эпоху во Фрайбурге, как, очевидно, и в других немецких университетах, господствовала «прусская», квазивоенная, дисциплина, которая сильно контрастировала с раскованностью, характерной для Сорбонны или Нормальной школы. Например, О. Финк принимал своих «продвинутых» студентов раз в неделю по утрам, начиная с 9 часов, но на практике следовало явиться гораздо раньше, записаться у секретаря и отстоять затем длинную очередь, иногда более двух часов, в коридоре перед его кабинетом... Он проявлял вполне искренний интерес к моей теме и давал мне читать много статей (все на немецком языке), о существовании которых я вначале даже не подозревал. Он сам работал в эти годы над большой монографией, посвященной Ницше, – она вышла в 1960 г.

И вот однажды – это было, кажется, в середине декабря – после семинара он ненадолго задержал меня и сказал: «На днях мне представился случай поговорить о вас с Хайдеггером. Он узнал от Жана Бофре, что парижский студент недавно приехал во Фрайбург писать работу о Ницше, и хотел бы с вами встретиться». (Нужно сказать, что в то время Жан Бофре, преподававший в Нормальной школе, был очень важной фигурой, своего рода «доверенным лицом» Хайдеггера во французских университетских кругах, где его «нацистское» прошлое все еще возбуждало сильное недоверие.) Это было неожиданное приглашение... о котором сам я никогда не решился бы просить. Хайдеггер жил тогда, в то время года, в своем доме в Церингене, предместье Фрайбурга, но собирался через несколько дней отбыть в свою знаменитую «хижину» (Hütte) в Тодтнауберге, в центре Шварцвальда. Его первое появление в саду, окружавшем дом, навсегда запечатлелось в моей памяти: человек небольшого роста, но плотный, коренастый, одетый на манер крестьянина, принарядившегося по случаю праздника; на голове у

него было что-то вроде берета, и он говорил слегка в нос, так что мне трудно было его понять – но я не смел просить его повторить! Когда мы вошли в дом, после нескольких общих фраз о различии климата – метеорологического и интеллектуального – во Фрайбурге и Париже, он спросил, что привлекло меня у Ницше. Я принялся рассказывать, вероятно, довольно сбивчиво, о диалектике аполлонического и дионисийского в «Рождении трагедии». Он минуту слушал с рассеянным видом, снисходительно-равнодушно, затем внезапно прервал меня и начал излагать мне (причем это не казалось импровизацией) то, что – как я узнал через несколько лет, когда вышли два тома «Ницше», – было его фундаментальным положением о завершении истории западной метафизики в творчестве мыслителя из Зильс-Мария.

Немного растерявшись и пытаясь вернуть его на мой уровень, я попросил у него совета для написания своего мемуара. Тогда, к моему великому удивлению, он начал рыться в каком-то ящике и в конце концов извлек из него кипу бумаг с заметками, оставшимися – объяснил он мне – от его старого курса о Ницше. По его словам, они, возможно, подскажут мне интересные направления исследования. Я не поверил своим ушам и, нагруженный этой ценной добычей, путаясь в благодарностях, вскоре простился с ним. На самом деле, я больше всего боялся потерять эти заметки – ведь, по-моему, в ту эпоху ксерокопии не были еще в ходу, возможно, вовсе не существовали... Однако меня довольно быстро постигло разочарование, так как выяснилось, что эти заметки с трудом поддаются расшифровке... Дело в том, что они представляли собой забавную смесь из фраз, написанных современным немецким шрифтом и «готическим» шрифтом, который Хайдеггер, как и все его поколение, очевидно, освоил в школе в 1890-е гг.; в отличие от печатного готического шрифта, его было почти невозможно разобрать непосвященному... Данное обстоятельство я не решился упомянуть, возвращая Хайдеггеру эти заметки спустя несколько недель!

Я виделся с ним еще два или три раза до конца зимнего семестра, причем первый раз на семинаре у Финка. В этот день он – очевидно, полагая, что я уже хорошо овладел немецким языком и в достаточной мере обладаю философской культурой – вдруг спросил меня, не смогу ли я, если потребуется, взяться за французский

перевод *Sein und Zeit*. Чрезвычайно удивленный и польщенный этим предложением, я, конечно, согласился. Но для этого нужно было получить «зеленый свет» от Жана Бофре из Парижа, что могло занять еще несколько месяцев. Однако в июне 1959 г., уже вернувшись во Францию, я получил от Хайдеггера письмо (я его сохранил), в котором он подтверждал свое согласие на осуществление этого перевода в трехлетний срок. К сожалению, разные обстоятельства – необходимость участвовать на следующий год в конкурсе агрегации, затем занять должность преподавателя в лицее, потом отбыть двухлетнюю военную службу (тогда еще шла война в Алжире) – не позволили мне сразу же взяться за перевод. А издательство «Галлимар» хотело опубликовать эту работу как можно быстрее. В итоге, договор был расторгнут, а перевод поручен другому человеку. Между тем, мой собственный центр интересов переместился к санскриту и индийской философии, так что фрайбургский мирок казался все более далеким...

Однако мне выдалась возможность вновь повидать Хайдеггера в 1966 г. на семинаре по Гераклиту, куда О. Финк, с которым я так или иначе поддерживал контакты, пригласил меня в качестве «вольнотрушателя». Хайдеггер узнал меня и, похоже, не был обижен из-за моего отказа заняться переводом *Sein und Zeit*. Во время семинара он показался мне немного постаревшим и часто «отсутствующим». Он редко выступал, но я помню момент, когда он внезапно вышел из своего видимого оцепенения и вдруг заявил – хотя это не имело прямой связи с проходившей дискуссией: «Для индусов сон – это величайшее блаженство» (цитирую по памяти). Это меня поразило как индолога, тем более что в 1958–1959 г. мы никогда не касались в своих беседах вопроса об Индии. Для меня эти слова прозвучали эхом пассажей из «Мира как воли и представления», где Шопенгауэр цитирует несколько знаменитых упанишадовских строф из «Упнекхат» Анкетиль-Дюперрона². И Хайдеггер подтвердил мое предположение. Это дало повод заговорить с ним об индийской мысли, столь мало представленной в его творчестве. Тогда он и сделал такое замечание (вновь цитирую по па-

² Абрахам Гиацинт Анкетиль-Дюперрон (1731–1805) – французский востоковед, опубликовавший первый европейский (французский) перевод «Зенд-Авесты» (1771). «*Upanek'hat*» – подготовленный и изданный им латинский перевод с персидского языка извлечений из Упанишад (*примеч. пер.*).

мяти): «Мне иногда доводилось встречать представителей дальневосточной мысли – возможно, он имел в виду «японца» из работы «Gespräch zwischen einem Japaner und einem Fragenden», вошедшей в сборник *Unterwegs zur Sprache*, – но никогда мыслителя из Индии. И я сожалею об этом... впрочем, теперь уже поздно». И на этой меланхолической констатации мы с ним расстались...

Reminiscences of Martin Heidegger

Michel Hulin

French Indologist, Professor Emeritus at the Sorbonne (Paris IV).

The author recollects his meetings with Martin Heidegger in the late 1950's – early 1960's. At that time, he was a student at the Ecole Normale Supérieure in Paris. He came to Freiburg in order to prepare his Master's Thesis «The aesthetics of Nietzsche» (under the supervision of Paul Ricœur). Michel Hulin describes the circumstances of his visits to Heidegger's house in Zähringen and their conversation about Nietzsche (at that time, Heidegger was busy editing his former lectures on Nietzsche (1936–1946) that were to be published in 1961) and about other meetings and Heidegger's remarks on his limited contacts with Indian thought.

Keywords: Martin Heidegger, Friedrich Nietzsche, reminiscences

Перевод с французского И.И. Блауберг